

Leopoldo Alas Clarín
Superchería
Леопольдо Алас Кларин
Обман

Книгу перевела Ольга Абелла Кастро

www.franklang.ru

Метод чтения Ильи Франка

— I —

Nicolás Serrano, un filósofo de treinta inviernos (Николас Серрано, философ тридцати зим = лет /от роду/), víctima de la bilis y de los nervios (жертва = страдающий от желчи и нервов; *bilis, f* — желчь; раздражение), viajaba por consejo de la Medicina (путешествовал по рекомендации: «по совету» медицины; *aconsejar* — советовать), representada en un doctor (в лице доктора: «представленной доктором») cansado de discutir con su enfermo (уставшим спорить со своим больным).

Nicolás Serrano, un filósofo de treinta inviernos, víctima de la bilis y de los nervios, viajaba por consejo de la Medicina, representada en un doctor cansado de discutir con su enfermo.

No estaba el médico seguro (врач не был уверен в том = был уверен не в том) de que sanara Nicolás viajando (что Николас поправится от поездки: «путешествуя»; *sano* — *здоровый*); pero sí de verse libre (а в том, что /он сам/ освободится: «но да в видеть себя свободным»), con tal receta (/выписав/ подобный рецепт; *tal* — *такой; подобный*), de un cliente (от пациента: «клиента») que todo lo ponía en tela de juicio (который все ставил под сомнение; *en tela de juicio* — *оспариваемый; под сомнением; juicio, m* — *суждение; суд; приговор; juzgar* — *судить; tela, f* — *ткань; материя; /устар./ закрытое помещение для обсуждения; обсуждение; спор*), y no quería reconocer (и не хотел признавать) otros males y peligros propios (прочих собственных болезней и опасностей; *mal, m* — *зло; горе; обида; боль; болезнь*) que aquellos de que tenía él clara conciencia (чем те, которые он сам ясно осознавал: «о которых имел ясное осознание»).

No estaba el médico seguro de que sanara Nicolás viajando; pero sí de verse libre, con tal receta, de un cliente que todo lo ponía en tela de juicio, y no quería reconocer otros males y peligros propios que aquellos de que tenía él clara conciencia.

En fin (в конечном счете; *fin, m* — *конец*), viajó Serrano (Серрано совершил путешествие), lo vio todo sin verlo (посмотрел на все, ничего не увидев: «без видеть его»), y regresaba a España (и возвращался в Испанию), después de tres años de correr mundo (после трех лет странствий по миру: «объезжать мир»; *correr* — *бегать; обходить; проходить; объехать; течь*), preocupado con los mismos problemas (обеспокоенный все теми же проблемами) metafísicos y psicológicos (метафизическими и психологическими) y con idénticas aprensiones nerviosas (и все с той же нервной мнительностью: «идентичными нервными опасениями»; *aprensivo* — *боязливый; мнительный*).

En fin, viajó Serrano, lo vio todo sin verlo, y regresaba a España, después de tres años de correr mundo, preocupado con los mismos problemas metafísicos y psicológicos y con idénticas aprensiones nerviosas.

Era rico (/он/ был богат); no necesitaba trabajar (ему не нужно было работать) para comer (чтобы прокормить себя: «чтобы есть»), y aunque tenía el proyecto (и, хотя у него и был план/замысел), ya muy antiguo en él (уже очень давний «в нем»), de dejarlo todo para los pobres (оставить = раздать все беднякам) y coger su cruz (и взять = понести свой крест), esperaba (/он/ ждал), para poner en planta su propósito (чтобы осуществить: «поставить на основание» /это/ свое намерение; *planta, f* — *растение; ступня; основание; фундамент; предприятие; poner* — *поместить; положить; proponer* — *предложить; proponerse* — *решиться; поставить перед собой цель; propósito, m* — *решение; намерение; цель*), tener la convicción absoluta («иметь» уверенность абсолютную; *convencer* — *уверять; убеждать*), científica (научную; *ciencia, f* — *наука*), es decir (другими словами), una, universal y evidente (универсальную/всеобъемлющую и неоспоримую; *evidente* — *очевидный; неоспоримый*), de que semejante rasgo de abnegación (в том, что подобный поступок = акт самопожертвования; *rasgo, m* — *черта; особенность; поступок; negar* — *отрицать*) estaba conforme con la justicia (соответствовал справедливости: «находился в соответствии со справедливостью»), y era lo que le tocaba hacer (и являлся тем, что ему следовало сделать; *tocar* — *касаться; достаться; быть обязанностью; полагаться*).

Era rico; no necesitaba trabajar para comer, y aunque tenía el proyecto, ya muy antiguo en él, de dejarlo todo para los pobres y coger su cruz, esperaba, para poner en planta su propósito, tener la convicción absoluta, científica, es decir, una, universal y evidente, de que semejante rasgo de abnegación estaba conforme con la justicia, y era lo que le tocaba hacer.

Pero esta convicción (но эта убежденность; *convencer* — *уверять; убеждать*) no acababa de llegar (все не приходила: «не заканчивала приходить» /к нему/); dependía de todo un sistema (/она/ зависела от целой: «всей» системы); suponía multitud de verdades evidentes (предполагала /наличие/ множества неоспоримых истин; *poner* — *помещать; ставить; класть; suponer* — *предполагать; допускать; считать; означать; evidente* — *явный; очевидный; неоспоримый*), metafísicas (метафизических), físicas (физических), antropológicas (антропологических), sociológicas (социологических), religiosas (религиозных) y morales (и моральных), averiguadas previamente (предварительно установленных; *averiguar* — *устанавливать; выяснять; определять; удостоверить; узнавать*); de modo que mientras no resolviera tantas dudas (/таким/ образом, что пока он не разрешил все эти: «столькие» сомнения; *resolver* — *решать; разрешать; dudar* — *сомневаться*) y dificultades (и сложности; *difícil* — *сложный; трудный*) continuaba siendo rico (он продолжал быть: «будучи» богатым), desocupado (праздным; *ocupar* — *занимать; ocupado* — *занятый; desocupado* — *не занятый; безработный; праздный*), pero con poca resignación (но не смирившимся: «с малым смирением»; *resignarse* — *смириться; покориться; довольствоваться*).

Pero esta convicción no acababa de llegar; dependía de todo un sistema; suponía multitud de verdades evidentes, metafísicas, físicas, antropológicas, sociológicas, religiosas y morales, averiguadas previamente; de modo que mientras no resolviera tantas dudas y dificultades continuaba siendo rico, desocupado, pero con poca resignación.

Para él (для него), las dudas (сомнения) y los dolores de cabeza y estómago (и головная боль, и /боль/ в желудке), y aun de vientre (и даже в животе), ya venían a ser, una misma cosa (стали уже одним и тем же: «приходили быть той же одной вещью»; *venir* — *приходить; venir a ser* — *становиться*); ya veces había (случалось уже: «имелись разы»; *vez, f* — *раз; haber* — *иметься*), sobre

todo a la hora de dormirse (особенно в час отхода ко сну; *dormir* — *спать*; *dormirse* — *засыпать*), en que no sabía (когда: «в которые» он не знал) si su dolor era jaqueca (была ли его боль мигренью) o una cuestión *psicofísica* *atravesada* en el cerebro (или психофизическим вопросом, засевшим: «пересекающим» в его мозгу; *atravesar* — *пересекать*; *poner* *poner*; *poner* *poner*).

Para él, las dudas y los dolores de cabeza y estómago, y aun de vientre, ya venían a ser, una misma cosa; ya veces había, sobre todo a la hora de dormirse, en que no sabía si su dolor era jaqueca o una cuestión *psicofísica* *atravesada* en el cerebro.

No era pedante (он не был педантом, кичащимся своей ученостью; *pedante, m* — *педант*; *интеллектуальный сноб*; *резонер*; *кичащийся своей ученостью*) ni miraba la Filosofía (и не смотрел на философию) desde el punto de vista de la cátedra (с точки зрения = как на учебную дисциплину; *cátedra, f* — *кафедра*; *учебная дисциплина*; *лекционный зал*) o de las letras de molde (или печатное слово; *letra, f* — *буква*; *рукопись*; *предписание*; *вексель*; *letras, pl.* — *гуманитарные науки*; *molde, m* — */типографская/ форма*; *letras de molde* — *печать*; *печатные буквы*; *печатное слово*), sino con el interés (а /смотрел на нее/ с интересом) que un buen creyente (с которым настоящий: «хороший» верующий; *creer* — *верить*) atiende a su salvación (уделяет внимание своему спасению; *atender* — *ждать*; *заниматься*; *принимать во внимание*; *учитывать*; *уделять внимание*; *присматривать*; *прислушиваться*; *внимательно слушать*; *salvar* — *спасать*) o un comerciante a sus negocios (или торговец своему делу; *comercio, m* — *торговля*; *дело*; *коммерция*; *сделка*).

No era pedante ni miraba la Filosofía desde el punto de vista de la cátedra o de las letras de molde, sino con el interés que un buen creyente atiende a su salvación o un comerciante a sus negocios.

Así que (так что), a pesar de ser tan filósofo (несмотря на то, что он был: «несмотря на быть таким» философом), casi nadie lo sabía en el mundo (почти никто в мире об этом не знал), fuera de él (кроме него /самого/; *fuera* — *вне; сверх; кроме; снаружи*) y su médico (и его врача), a quien había tenido que confesar (которому ему пришлось признаться) aquella preocupación dominante (в этом главном /своем/: «в том господствующем» беспокойстве; *dominar* — *главенствовать; преобладать; властвовать; справляться; совладать; владеть; preocupar* — *волновать; беспокоить*) para poder entenderse ambos (чтобы иметь возможность понять друг друга; *poder* — *мочь; иметь возможность; ambos* — *оба; тот и другой*).

Así que, a pesar de ser tan filósofo, casi nadie lo sabía en el mundo, fuera de él y su médico, a quien había tenido que confesar aquella preocupación dominante para poder entenderse ambos.

Volvía a España en el expreso de París (он возвращался в Испанию парижским экспресом). Era medianoche (была полночь). Venía solo en un coche de primera (ехал: «приезжал» /он/ один в вагоне первого /класса/; *coche, m* — *автомобиль; экипаж; коляска; вагон; venir* — *приезжать; приходиться*), donde no se fumaba (где нельзя было курить: «не курилось»; *fumar* — *курить*). Acurrucado en su gabán de pieles (съежившийся в своем меховом пальто: «из кожи/меха»; *piel, f* — *кожа; мех*), casi embutido en un rincón (почти вжавшийся в угол; *embutir* — *набивать; втискивать; впихивать; вжимать*); los pies envueltos en una manta de Teruel (ноги, укутанные = *укутав ноги в теруэльское покрывало*), negra y roja (черное и красное = с красным); calado hasta las cejas un gorro moscovita (/в/ нахлобученной до бровей московской шапке; *calar* — *пропитывать; пронзать; нахлобучивать; Moscú* — *Москва*), meditaba (/он/ размышлял); y de tarde en tarde (и из вечера в вечер), en un libro de Memorias de piel negra (в записной книге из черной кожи; *memorias, f, pl* — *мемуары; записи; воспоминания; memoria, f* — *память*) apuntaba con lápiz

automático (записывал автоматическим карандашом) unos pocos renglones de letra enrevesada (несколько: «мало» строк неразборчивым почерком; *enrevesado* — *пересекающийся; непонятный; неразборчивый; трудный; letra, f* — *буква; почерк; текст*), con caracteres alemanes (немецкими буквами; *caracteres, m, pl* — *письмена; знаки; буквы*), según se emplean en los manuscritos (как они используются в рукописях = на манер рукописей; *emplear* — *использовать; применять*), mezclados con otros del alfabeto griego (вперемешку с буквами: «перемешанные с другими из» греческого алфавита; *mezclar* — *перемешивать*).

Volvía a España en el expreso de París. Era medianoche. Venía solo en un coche de primera, donde no se fumaba. Acurrucado en su gabán de pieles, casi embutido en un rincón; los pies envueltos en una manta de Teruel, negra y roja; calado hasta las cejas un gorro moscovita, meditaba; y de tarde en tarde, en un libro de Memorias de piel negra apuntaba con lápiz automático unos pocos renglones de letra enrevesada, con caracteres alemanes, según se emplean en los manuscritos, mezclados con otros del alfabeto griego.

Lo muy incorrecto de la letra (крайняя неразборчивость: «очень неправильность» почерка; *correcto* — *правильный; верный; грамотный; incorrecto* — *неправильный*), amén de las abreviaturas de esta mezcla de caracteres exóticos (да к тому же сокращения и мешанина: «помимо аббревиатур и смеси» из экзотических знаков; *amén* — *аминь; amén de* — *помимо; кроме того; сверх того; breve* — *короткий*) aplicados al castellano (примененных к испанскому /языку/: «кастильскому»), daban al conjunto un aspecto de extraña taquigrafía (придавали целому = *всему этому* вид странной стенографии; *conjunto, m* — *целое; совокупность; комплект; набор*), muy difícil de descifrar (очень сложной для расшифровывания = понимания). Así escribía sus Memorias íntimas Serrano (так писал свои личные мемуары Серрано; *íntimo* — *личный; близкий; внутренний; укромный*). Era lo único que

pensaba escribir en este mundo (/они/ были единственным, что он собирался: «думал» написать в своей жизни: «в этом мире»), y no quería que se publicasen (и он не хотел, чтобы они публиковались: «были опубликованы»; *publicar* — *публиковать*) hasta después de su muerte (раньше: «до после» его смерти; *morir* — *умирать*).

Lo muy incorrecto de la letra, amén de las abreviaturas de esta mezcla de caracteres exóticos aplicados al castellano, daban al conjunto un aspecto de extraña taquigrafía, muy difícil de descifrar. Así escribía sus Memorias íntimas Serrano. Era lo único que pensaba escribir en este mundo, y no quería que se publicasen hasta después de su muerte.

En tales Memorias (в этих: «в таких » мемуарах) no había recuerdos de la infancia (не было воспоминаний о детстве; *recordar* — *помнить*; *вспоминать*; *haber* — *иметься*) ni aventuras amorosas (ни о любовных приключениях; *amor*, *m* — *любовь*), y apenas nada de la historia del corazón (и почти ничего о сердечной истории = о чувствах); todo se refería a la vida del pensamiento (все имело отношение к жизни мысли; *pensar* — *думать*; *referirse* — *относиться*; *говориться*; *иметь в виду*) y a los efectos anímicos (и к душевным движениям: «действиям»; *alma*, *f* — *душа*; *дух*; *efecto*, *m* — *эффект*; *действие*; *результат*), así estéticos (таким прекрасным; *estético* — *эстетичный*; *красивый*; *прекрасный*; *изящный*) como de la voluntad (как /движение/ воли) y de la inteligencia (и разума), que las ideas propias y ajenas producían en el que escribía (которые собственные и чужие мысли вызывали в том, кто писал; *producir* — *производить*; *приносить*; *вызывать*).

En tales Memorias no había recuerdos de la infancia ni aventuras amorosas, y apenas nada de la historia del corazón; todo se refería a la vida del pensamiento y a los efectos anímicos, así estéticos como de la voluntad y de la inteligencia, que las ideas propias y ajenas producían en el que escribía.

Abundaban las máximas sueltas (множество разрозненных изречений: «были в изобилии разрозненные изречения»; *soltar* — *отпускать; бросать; suelto* — *распущенный; отпущенный; отвязанный; отдельный; разрозненный*), las fórmulas sugeridas (правила, подсказанные; *sugerir* — *внушать; намекать; подсказывать; наводить на мысль; предлагать*) por repentinas inspiraciones (внезапными озарениями: «вдохновениями»; *inspirar* — *вдыхать; вдохновлять*); aquí un rasgo de mal humor filosófico (тут штрих дурного = черного философского юмора; *rasgo, m* — *черта; штрих; линия*); luego, la expresión lacónica de una antipatía filosófica también (затем краткое выражение неприязни — также философской); más adelante, la fecha de un desengaño intelectual (далее: «более впереди» дата интеллектуального разочарования; *engañar* — *обманывать; desengañar* — *разочаровывать; разуверять; открывать обман*) o la de una duda (или сомнения; *dudar* — *сомневаться*) que le había dado una mala noche (которое стало причиной бессонной ночи: «дало ему плохую ночь»).

Abundaban las máximas sueltas, las fórmulas sugeridas por repentinas inspiraciones; aquí un rasgo de mal humor filosófico; luego, la expresión lacónica de una antipatía filosófica también; más adelante, la fecha de un desengaño intelectual o la de una duda que le había dado una mala noche.

Así, se leía hacia mitad del volumen (так, /например/ можно было прочесть где-то в середине: «читалось в половине» тома; *volumen, m* — *объем; книга; том*): «13 de junio (13 июня) (caracteres griegos y de alemán manuscrito (греческими буквами и рукописными немецкими), mezclados, por supuesto (разумеется, вперемешку)). He oído esta noche a don Torcuato (этой ночью я слушал дон Торкуато; *oír* — *слышать*), autor de *El sentido común* (автора «Здравого смысла»; *sentir* — *чувствовать; sentido, m* — *чувство; смысл*). Es un acémila (он остолоп; *acémila, f* — *осел; остолоп*). ¡Y yo que le había

admirado (а я-то: «который» им восхищался) y leído con atención pitagórica (и читал с пифагорейским вниманием; *Pitágoras — Пифагор*)! ¡Avestruz (страус)! Ahora resulta darwinista (теперь /он/, оказывается, дарвинист) porque ha viajado (потому что путешествовал; *viaje, m — путешествие*), porque ha vivido tres meses en Oxford (потому что прожил три месяца в Оксфорде) y tiene acciones de una Sociedad minera de Cornuailles (и имеет акции горнодобывающего общества Корнуолла).

Así, se leía hacia mitad del volumen: «13 de junio (caracteres griegos y de alemán manuscrito, mezclados, por supuesto). He oído esta noche a don Torcuato, autor de *El sentido común*. Es un acémila. ¡Y yo que le había admirado y leído con atención pitagórica! ¡Avestruz! Ahora resulta darwinista porque ha viajado, porque ha vivido tres meses en Oxford y tiene acciones de una Sociedad minera de Cornuailles.

¡Siempre igual (всегда одно и то же: «одинаково»)! Hoy, don Torcuato (сегодня — дон Торкуато); ayer, Martínez (вчера — Мартинес), que resulta un boticario vulgar (который оказался банальным аптекарем). ¡Qué vida (что /за/ жизнь)! —15 de mayo (15 мая). El cura Murder es un pastor protestante (священник Мердер — протестантский пастор; *pastor, m — пастор; пастух*) digno de ser cabrero (достойный быть пастухом; *cabra, f — коза*). Le hablo del Evangelio (я говорю ему об Евангелии) y me contesta (а он отвечает мне) diciendo pestes del padre Sánchez (говоря гадости о священнике Санчесе; *peste, f — зараза; зловоние; чума; гадость; мерзость*) y de la Inquisición (и об инквизиции)...

¡Siempre igual! Hoy, don Torcuato; ayer, Martínez, que resulta un boticario vulgar. ¡Qué vida! —15 de mayo. El cura Murder es un pastor protestante digno de ser cabrero. Le hablo del Evangelio y me contesta diciendo pestes del padre Sánchez y de la Inquisición...

—16 de septiembre (16 сентября). Creo (полагаю; *creer* — *верить; полагать; думать*) que he estado tocando el violón (что я /все это время/ был ужасно глуп: «играл на контрабасе»; *tocar* — *прикасаться; трогать; играть на музыкальном инструменте; tocar el violón* — *говорить невпопад; сморозить глупость; попасть пальцем в небо; быть глупым*); mi sistema de composición armónica (моя система гармонической композиции; *poner* — *ставить; помещать; componer* — *составлять; сочинять*) entre la inmortalidad y la muerte del espíritu (между бессмертием и смертью духа; *morir* — *умирать; mortal* — *смертный; inmortal* — *бессмертный*) es una necedad (является /полной/ чушью; *pesco* — *глупый; недалекий*), según voy sospechando (как я начинаю подозревать: «иду подозревая»; *según* — *согласно; по мнению; по словам; как; ir* — *идти; ехать; с деепричастием описывает постепенное изменение*).

—16 de septiembre. Creo que he estado tocando el violón; mi sistema de composición armónica entre la inmortalidad y la muerte del espíritu es una necedad, según voy sospechando.

—20 de octubre (20 октября). ¡Dios mío (Боже мой)! ¡Si seré yo el Estrada de la Filosofía (неужели я Эстрада от философии; *José Manuel Estrada /1842 — 1894/* — *аргентинский мыслитель, писатель, проповедник; si* — *если; ли; же*)! ¡Ahora miro mi sistema de muerte inmortal (сейчас я смотрю на свою систему бессмертной смерти; *morir* — *умирать; mortal* — *смертный*) y me pongo rojo de vergüenza (и краснею: «становлюсь красным» от стыда; *poner* — *ставить; помещать; ponerse* — *становиться*)! Por un lado (с одной стороны), plagio a Schopenhauer y De Guyau (плагиат из Шопенгауэра и Де Гюйо); y por otro (а с другой), sueños de enfermo (фантазии больного; *sueño, m* — *сон; мечта; фантазия; греза; soñar* — *мечтать; видеть сны*). ¡Oh (о)! Todos somos despreciables (все мы ничтожны/презренны; *precio, m* — *цена; desprecio, m* — *презрение; despreciar* — *презирать*); yo, el primero (/и/ я —

первый = в первую очередь). No hay modo de *componer* nada (нет способа что-либо: «ничего» сочинить; *poner* — *ставить*; *componer* — *составлять*; *сочинять*).

—20 de octubre. ¡Dios mío! ¡Si seré yo el Estrada de la Filosofía! ¡Ahora miro mi sistema de muerte inmortal y me pongo rojo de vergüenza! Por un lado, plagio a Schopenhauer y De Guyau; y por otro, sueños de enfermo. ¡Oh! Todos somos despreciables; yo, el primero. No hay modo de *componer* nada.

—21 de noviembre (21 ноября). No hay más filósofos (нет других: «больше» философов), admirados de veras (действительно: «по правде» восхищающих; *admirar* — *восхищаться*), que los temidos (чем ужасающие; *temer* — *бояться*; *ужасаться*). Todos los que no han servido para destruir (все те, что не годились для того, чтобы = не могли разрушать; *servir* — *служить*; *годиться*; *подходить*) me parecen algo tontos en el fondo (в глубине = на самом деле мне кажутся несколько глупыми). —30 de noviembre (30 ноября). Hay momentos en que (иногда: «есть моменты, в которые») Platón me parece un prestidigitador (Платон мне кажется ловкачом; *prestidigitador, m* — *фокусник*; *иллюзионист*; *жонглер*; *ловкач*). —4 de enero (4 января). Hoy he sentido en el alma (сегодня я глубоко сожалел: «чувствовал в душе») que Aristóteles no viviera (что Аристотель уже умер: «не жил бы = не живет»; *vivir* — *жить*)... para poder ir a desafiarle (и я не могу: «чтобы мочь» вызвать его /на спор/). ¡Qué antipático (какой /он/ неприятный /человек/)!...»

—21 de noviembre. No hay más filósofos, admirados de veras, que los temidos. Todos los que no han servido para destruir me parecen algo tontos en el fondo. —30 de noviembre. Hay momentos en que Platón me parece un prestidigitador.—4 de enero. Hoy he sentido en el alma que Aristóteles no viviera... para poder ir a desafiarle. ¡Qué antipático!...»

Todos estos apuntes eran antiguos (все эти записи были старыми). Después había otros muchos (после шли: «имелись» многие другие) en el mismo libro de Memorias (в той же книге мемуаров), cuya última página (чья последняя страница) era la que tenía abierta ante los ojos Serrano (была той, которую имел открытой = была открыта перед глазами Сerrано; *abrir* — *открывать*) aquella noche (той ночью). Nunca leía aquellos renglones (он никогда не читал = *перечитывал* те строки) de fecha remota (/написанные/ в давние времена: «далекой даты») (cinco meses (пять месяцев)). ¿Qué tenía él que ver (какое отношение имел он: «что имел видеть он»; *tener que ver* — *иметь отношение*) con el que había escrito todo aquello (к тому, кто написал все это: «то»; *escribir* — *писать*)? Ya era otro (он был уже другим).

Todos estos apuntes eran antiguos. Después había otros muchos en el mismo libro de Memorias, cuya última página era la que tenía abierta ante los ojos Serrano aquella noche. Nunca leía aquellos renglones de fecha remota (cinco meses). ¿Qué tenía él que ver con el que había escrito todo aquello? Ya era otro.

El pensamiento había cambiado (мысль изменилась; *pensar* — *думать*; *мыслить*), y él era su pensamiento (а он /ведь/ и был своей мыслью). No se avergonzaba de lo escrito en otro tiempo (/он/ не стыдился написанного в другое время = раньше; *vergüenza, f* — *стыд*; *escribir* — *писать*); ni hacía más que despreciarlo (он лишь презирал: «не делал больше, чем презирать» его; *precio, f* — *цена*; *desprecio, m* — *презрение*). No pensaba, sin embargo (однако он не собирался; *pensar* — *думать*; *собираться*; *намереваться*), borrar una sola letra (стирать ни одной буквы), porque justamente la mejor utilidad (потому что как раз самое лучшее применение; *útil* — *полезный*; *utilidad, f* — *польза*; *aplicación*; *justo* — *точный*; *конкретный*; *справедливый*; *justamente* — *именно*; *точно*; *как раз*) que aquellas Memorias podían tener algún día (которое те мемуары могли бы когда-нибудь: «какой-нибудь день» иметь) consistiría en ser la historia sincera (состояло бы в том, чтобы быть честной историей) de una

conciencia dedicada a la meditación (сознания, посвятившего /себя/ размышлению; *meditar* — *размышлять*).

El pensamiento había cambiado, y él era su pensamiento. No se avergonzaba de lo escrito en otro tiempo; ni hacía más que despreciarlo. No pensaba, sin embargo, borrar una sola letra, porque justamente la mejor utilidad que aquellas Memorias podían tener algún día consistiría en ser la historia sincera de una conciencia dedicada a la meditación.

Dejó un momento el cuaderno sobre el asiento (он на минуту оставил тетрадь на сиденье; *sentarse* — *садиться*), y acercándose a la ventanilla (и, приблизившись к окошку; *ventana, f* — *окно*) apoyó la frente sobre el cristal (прислонил лоб к стеклу; *ароуар* — *поддерживать; прислонять; подпирать*). La noche estaba serena (ночь была ясной; *sereno* — *ясный; безоблачный; спокойный; тихий; безмятежный*); el cielo, estrellado (/а/ небо звездным; *estrella, f* — *звезда*). Corría el tren por tierra de Ávila (поезд проезжал по землям Авилы; *correr* — *бежать; течь; проходить; проезжать*), sobre una meseta ancha y desierta (по широкому и пустынному плоскогорью). La tierra, representada por la región de sombra compacta (земля, представленная участком густой тени; *compacto* — *компактный; плотный; густой*), parecía desvanecerse allá a lo lejos (казалось, рассеивалась там вдалеке), cuesta abajo (/уходя/ вниз по склону; *cuesta, f* — *уклон; откос; склон; спуск; подъем в гору*).

Dejó un momento el cuaderno sobre el asiento, y acercándose a la ventanilla apoyó la frente sobre el cristal. La noche estaba serena; el cielo, estrellado. Corría el tren por tierra de Ávila, sobre una meseta ancha y desierta. La tierra, representada por la región de sombra compacta, parecía desvanecerse allá a lo lejos, cuesta abajo.

Las estrellas caían (звезды падали; *caer*) como una cascada sobre el horizonte (как водопад над горизонтом), que parecía haberse hundido (который казался

затонувшим: «утонуть»). Siempre que pasaba por allí Nicolás (всегда, когда Николас проезжал там), se complacía en figurarse (он наслаждался, представляя себе; *placer, m — наслаждение*) que volaba por el espacio (что он летит в космическом пространстве), lejos de la tierra (далеко от земли), y que veía estrellas del hemisferio austral a sus pies (и видит звезды южного полушария у своих ног), allá abajo (там внизу), allá abajo (там = далеко внизу). «Ésta es la tierra de Santa Teresa (это земля Святой Терезы)», pensó (подумал /он/). Y sintió el escalofrío (и почувствовал дрожь; *sentir — чувствовать*) que sentía siempre (которую он ощущал всегда) al pensar en algún santo místico (думая о каком-нибудь мистическом святом). Millares de estrellas titilaban (тысячи звезд мерцали /вдали/; *mil — тысяча; millar, m — тысяча; множество*).

Las estrellas caían como una cascada sobre el horizonte, que parecía haberse hundido. Siempre que pasaba por allí Nicolás, se complacía en figurarse que volaba por el espacio, lejos de la tierra, y que veía estrellas del hemisferio austral a sus pies, allá abajo, allá abajo. «Ésta es la tierra de Santa Teresa», pensó. Y sintió el escalofrío que sentía siempre al pensar en algún santo místico. Millares de estrellas titilaban.

Un gran astro (большая звезда; *astro, m — небесное тело, светило*), cuya luz palpitaba (чей свет пульсировал), se le antojaba paloma de fuego (казалась ему огненным голубем; *antojarse — захотеться; вздуматься; казаться*) que batía muy lejos las luminosas alas (которая была очень далеко = взмахивала вдалеке светящимися крыльями; *luz, f — свет*), y del infinito venía hacia él (и из бесконечности летела ему навстречу: «приходила к нему»; *venir — приходить; приезжать; прибывать; подходить; fin, m — конец*), navegando por el negro espacio (плывя по черному пространству) entre tantas islas brillantes (среди стольких сияющих островов; *brillo, m — блеск; сияние; свечение*).

Un gran astro, cuya luz palpitaba, se le antojaba paloma de fuego que batía muy lejos las luminosas alas, y del infinito venía hacia él, navegando por el negro espacio entre tantas islas brillantes.

Miraba a veces hacia el suelo (иногда он смотрел на землю; *vez, f — раз; a veces — иногда*) y veía a la llama de los carbones encendidos (и видел пламя горящих углей; *encender — зажигать; encendido — зажженный; горящий; ярко-красный; ver — видеть*) que iba vomitando la locomotora (которое извергал: «ехал извергая» локомотив; *vomitara — стошнить; вырвать; изрыгать; извергать*) como huellas del diablo (как дьявольские следы); veía una mancha brusca (он видел четкое пятно; *brusco — грубый; резкий; внезапный; четкий*) de una peña pelada y parda (голового и бурого утеса; *pelar — ошипывать; очищать; стричь*) que pasaba, rápida (который пролетал стремительно: «проходил, быстрый»), cual arrojada al aire (словно выброшенный в воздух) por la honda de algún gigante (из пращи какого-то гиганта).

Miraba a veces hacia el suelo y veía a la llama de los carbones encendidos que iba vomitando la locomotora como huellas del diablo; veía una mancha brusca de una peña pelada y parda que pasaba, rápida, cual arrojada al aire por la honda de algún gigante.

La emoción extraña (странное чувство; *emoción, f — эмоция; чувство*) que sentía ante aquel espectáculo de tinieblas (которое он испытывал: «чувствовал» при виде того зрелища сумерек; *ante — перед; у; напротив; в присутствии; рядом; при виде*) bordadas de puntos luminosos de estrellas y brasas (вышитых сияющими стежками звезд и раскаленных углей; *punto, m — точка; стежок*), tenía más melancólico encanto (имело такое меланхоличное очарование; *más — больше; более; такое; encantar — очаровывать*) porque se juntaba al recuerdo de muchas emociones semejantes (потому что сливалось с

воспоминанием о множестве подобных эмоций; *juntarse* — *соединяться*; *сливаться*; *recordar* — *вспоминать*), que sin falta despertaban (который непременно просыпались; *falta, f* — *ошибка*; *нехватка*; *отсутствие*; *sin falta* — *непрерывно*; *обязательно*), siempre iguales (всегда одинаковые/те же самые), al pasar por aquellos campos desiertos (когда он проезжал: «при проезжать» по тем пустынным полям), a tales horas (в этот час: «в такие часы») y en noches como aquélla (и подобные той ночи: «в ночи как та»).

La emoción extraña que sentía ante aquel espectáculo de tinieblas bordadas de puntos luminosos de estrellas y brasas, tenía más melancólico encanto porque se juntaba al recuerdo de muchas emociones semejantes, que sin falta despertaban, siempre iguales, al pasar por aquellos campos desiertos, a tales horas y en noches como aquélla.

Nunca había visto de día aquellos lugares (он никогда не видел тех мест днем; *ver* — *видеть*) ni quería tener idea de cómo podían ser (и не хотел знать: «иметь идею», какими они могли быть; *poder* — *мочь*); bastábale ver el cielo tan grande (ему было достаточно видеть это небо, такое большое; *bastar* — *быть достаточным*; *хватать*), tan puro (такое чистое), tan lleno de mundos lejanos y luminosos (такое переполненное далекими и сияющими мирами; *llenar* — *наполнять*); la tierra, tan humillada (землю такую униженную; *humillar* — *унижать*; *принижать*; *подавить*), desvaneciéndose en su sombra (растворяющуюся: «рассеивающуюся» в своей тени) y sin más adorno (и без большего украшения) que bruscas apariciones de tristes rocas (чем внезапно возникающие мрачные скалы: «внезапные появления грустных скал»; *aparecer* — *появляться*) esparcidas por el polvo acá y allá (разбросанные в пыли тут и там; *esparcir* — *разбрасывать*; *рассеивать*), como restos de una batalla de dioses (словно следы: «остатки» битвы богов); monumentos taciturnos (молчаливые памятники) de la melancólica misteriosa antigüedad del

planeta (меланхоличной и таинственной древности = *меланхоличного и таинственного прошлого* этой планеты; *misterio, m — тайна*).

Nunca había visto de día aquellos lugares ni quería tener idea de cómo podían ser; bastábale ver el cielo tan grande, tan puro, tan lleno de mundos lejanos y luminosos; la tierra, tan humillada, desvaneciéndose en su sombra y sin más adorno que bruscas apariciones de tristes rocas esparcidas por el polvo acá y allá, como restos de una batalla de dioses; monumentos taciturnos de la melancólica misteriosa antigüedad del planeta.

En la emoción que sentía (в том: «в эмоции», что он чувствовал) había la dulzura (была сладость; *dulce — сладкий*) del dolor mitigado y espiritual (боли легкой: «смягченной» и возвышенной; *mitigar — утешать; смягчать; успокаивать; облегчить; espiritual — духовный; душевный; возвышенный; идеальный; религиозный; espíritu, m — дух*), la impresión del destierro (ощущение: «впечатление» изгнания; *tierra, f — земля; desterrar — изгонять; ссылать*), el dejo picante (острый привкус) de la austeridad del sentimiento religioso (суровости религиозного чувства) indeciso, pero profundo (нерешительного, но глубокого; *decidir — решать*).

—¡Tierra de Ávila (земля Авилы), tierra para santos (земля для святых)! —dijo en voz alta (произнес он громко/вслух: «громким голосом»), estirando los brazos (потягиваясь: «вытягивая руки») y bostezando (и зевая) con el tono más prosaico que pudo (самым будничным тоном, каким /только/ смог; *poder — мочь; prosaico — прозаичный; будничный; обыденный*).

En la emoción que sentía había la dulzura del dolor mitigado y espiritual, la impresión del destierro, el dejo picante de la austeridad del sentimiento religioso indeciso, pero profundo.

—¡Tierra de Ávila, tierra para santos! —dijo en voz alta, estirando los brazos y bostezando con el tono más prosaico que pudo

Quería «llamarse al orden» (он хотел «призвать себя к порядку»), volver a la realidad (вернуться к реальности), espantar las aprensiones místicas (прогнать мистические страхи; *aprensión, f* — *подозрение; опасение; недоверие: con aprensión — недоверчиво; с опаской; /pl/ /необоснованные/ опасения, страхи; мнительность*), como él se decía (как он /сам/ себе говорил), que en otro tiempo (которые в другие времена) le habían hecho gozar tanto (доставляли ему такое наслаждение; *gozar — наслаждаться*) y le habían tenido tan orgulloso (и вызывали такую гордость: «имели его таким гордым»; *orgullo, m* — *гордость; tener — иметь*).

Quería «llamarse al orden», volver a la realidad, espantar las aprensiones místicas, como él se decía, que en otro tiempo le habían hecho gozar tanto y le habían tenido tan orgulloso.

Y abrió la boca dos o tres veces (и он два или три раза открыл рот), provocando nuevos bostezos (вызывая новую зевету) para despreciar ostensiblemente (чтобы резко отвлечься; *despreciar — презирать; пренебрегать; отвлечься; ostensible — явный; резкий; очевидный*) aquella invasión de ideas religiosas (от этого вторжения религиозных мыслей; *invadir — вторгаться; захватывать*) que en otra época había acogido con entusiasmo (которые в другое = *былое* время он принимал с восторгом; *acoger — радушно принимать*) y que ahora rechazaba (и которые сейчас отвергал) por mil argumentos (тысячью = *тысячами* доводов) que a él le parecían razones (которые ему казались разумными основаниями; *razón, f* — *разум; рассудок; причина; разумное основание*) y que constaban en sus libros de Memorias (и которые были отражены в его книгах мемуаров; *constar — записывать; быть очевидным; фигурировать; быть отраженным; явствовать*), en aquellos apuntes (в тех записях; *apuntar — записывать; apunte, m* — *запись, заметка*), historia de su conciencia (в истории его осознания).

Y abrió la boca dos o tres veces, provocando nuevos bostezos para despreciar ostensiblemente aquella invasión de ideas religiosas que en otra época había acogido con entusiasmo y que ahora rechazaba por mil argumentos que a él le parecían razones y que constaban en sus libros de Memorias, en aquellos apuntes, historia de su conciencia.

—¡Pura voluptuosidad imaginativa (чистое сластолюбие воображения: «чистое вообразительное/изобретательное сластолюбие»; *imaginar* — *воображать; представлять; voluptuoso* — *сладолюбивый; сластолюбивый; пьянящий; чувственный*)! —dijo también en alta voz (сказал он так же громко: «тоже громким голосом»), para oírse él mismo (чтобы услышать самого себя), poniéndose por testigo (назначая: «ставя» себя в свидетели /того/) de que no sucumbía a la tentación (что он не поддавался искушению; *sucumbir* — *покориться; пасть; поддаться*) de aquel *cielo de Ávila* (того неба Авилы), que había recogido las miradas y las meditaciones de Santa Teresa (которое /некогда/ собирало = на которое некогда были обращены взоры и размышления святой Терезы; *mirar* — *смотреть; meditar* — *размышлять*), y que ahora era pabellón (и которое теперь было шатром) tendido sobre su humilde Sepultura (растянутым над ее скромной могилой; *humilde* — *смиранный; простой, скромный*).

—¡Pura voluptuosidad imaginativa! —dijo también en alta voz, para oírse él mismo, poniéndose por testigo de que no sucumbía a la tentación de aquel *cielo de Ávila*, que había recogido las miradas y las meditaciones de Santa Teresa, y que ahora era pabellón tendido sobre su humilde Sepultura.

Volvió a estirar los brazos (он снова потянулся: «вернулся вытянуть руки»; *volver* — *возвращаться; volver a* — *снова делать что-либо*), con las manos muy abiertas (широко раскрыв ладони: «с руками очень раскрытыми»; *abrir* —

открывать), y abrió la boca de nuevo (и снова открыл рот), y en vez de suspirar (и вместо того, чтобы вздохнуть; *vez, f — раз; en vez de — вместо*), como le pedía el cuerpo (как /того/ просило у него тело; *pedir — просить*), hizo con los labios un ruido mate (произвел губами глухой звук: «шум»; *mate — матовый; глухой; hacer — делать; производить*), afectando prosaica resignación vulgar (приняв вид будничной и обыденной покорности; *afectar — притворяться; принимать вид; трогать; волновать; вредить; воздействовать; resignarse — смириться; покориться*); y como si esto fuera poco (и словно и этого было мало; *ser — быть; fuera — было бы*), concluyó con dos resoplidos (под конец он два раза фыркнул: «завершил двумя фырканиями») y subiéndose un poco los pantalones (немного приподняв брюки) y apretándose la faja (и затягивая бандаж)—cinto que usaba siempre (пояс, который он носил: «использовал всегда), después de ciertas insurrecciones del hígado (после определенных бунтов = некоторого бунта печени).

Volvió a estirar los brazos, con las manos muy abiertas, y abrió la boca de nuevo, y en vez de suspirar, como le pedía el cuerpo, hizo con los labios un ruido mate, afectando prosaica resignación vulgar; y como si esto fuera poco, concluyó con dos resoplidos y subiéndose un poco los pantalones y apretándose la faja—cinto que usaba siempre, después de ciertas insurrecciones del hígado.

Здесь только небольшой фрагмент книги.

Полностью книгу вы можете приобрести на сайте www.franklang.ru в соответствующем языковом разделе (испанский язык), в подразделе «Тексты на испанском языке, адаптированные по методу чтения Ильи Франка»